

◀ Тюттический роман ▶

Нина Воронель
По эту
сторону зла
(Былое и дамы - 2)

Харьков
«ФОЛИО»
2020

Элизабет

Элизабет с трудом оторвала голову от подушки — мокрой от слез. Неужели она когда-то любила этот дом? Такой большой, такой пустынный! Как она мечтала жить тут с другом — сначала с Бернардом, потом с Дитером. И оба подло ее подвели, каждый по-своему. Но Бернард был благородней — он потерпел крушение и покончил с собой, а Дитер просто сбежал с сексапильной девкой. Так что она должна вычеркнуть из памяти Дитера и остаться верной памяти Бернарда. Ведь недаром написал о нем поэт:

«Бернард был бесстрашным воином, достойным Валгаллы, в лице которого истинный образ Христа сливается со светлым обликом арийской расы. Он пал на поле боя за пределами родины во имя веры в германский дух».

Элизабет сползла с кровати на пол и прижалась щекой к теплым доскам. Подумать только, какой ужасный климат — доски пола теплые в разгар зимы! Что она там писала в своей книге про замечательный климат? Но сколько бы ни разоблачала ее русская обезьяна, ей не стыдно за свою мелкую ложь — она делала это ради спасения великой Германия Нова. И гордится этим, хотя спасти не удалось.

Элизабет с содроганием вспомнила свой визит в бывшую контору бывшей Германия Нова. В ее конторе в ее кресле за ее столом сидел носатый бразилец, сильно смахивающий на еврея — те же выпуклые черные глаза, те же жесткие кудряшки над низким лбом. Он не предложил ей сесть, а смерил презрительным взглядом и сказал на плохом немецком:

— Вам бы лучше поскорей покинуть колонию, пока ваши бывшие подопечные не пронюхали, что вы здесь. Вы довели

свой проект до полного развала. Положение стало невыносимым — нет питьевой воды, нет дорог, земля не родит, жалкие глинобитные хижины обрушились. Целые семьи убегают — обнищавшие, обворованные и лишенные надежды. Ваша авантюра оказалась непоправимой катастрофой.

Элизабет задыхнулась от обиды и возмущения:

— Кто вы такой? Как вы смеете так со мной разговаривать?

— Я — Эмилио Родригес, директор колонии, ответственный за ее спасение.

— Кто вас назначил?

— Я назначен директором по решению правительства Парагвая.

— Подумаешь, какой авторитет — правительство Парагвая! А вы поинтересовались, что скажут немецкие инвесторы?

— Что они могут сказать в ответ на град писем от возмущенных колонистов? Держатель германского фонда Макс Шуберт получил десятки писем, которые разоблачают ваши измышления.

— Но ведь я опубликовала письма других колонистов, которые разоблачают ложь этих разоблачителей!

— Макс Шуберт уверен, что эти письма сфабрикованы вами, — и Родригес с улыбкой протянул ей телеграмму. — Вот, пожалуйста, читайте.

Черные буквы слились в траурную полосу, и сердце Элизабет подкатилось к горлу:

«Главным условием исправления положения в колонии мы считаем удаление из нее Элизабет Фюрстер. Председатель фонда Макс Шуберт».

Нейра

Это было настоящее бегство, по канонам романтических сказок, которые в детстве Фрицци читал маленькой Лламе перед сном — под покровом ночи, верхом на лошади, с проводником-индейцем. Неизвестно, удалось ли бы оно, если бы отвратный Родригес не помог. Он сам отвез Элизабет домой в

своей пролетке и послал за верным Оскаром, единственным колонистом, на которого можно было положиться. Тот отдал Элизабет своего коня и нанял ей проводника-гураньо.

Элизабет закрыла ставни, заперла двери на все замки и стала поспешно собирать вещи. Чемодан на лошади увезти было невозможно, и пришлось наскоро сунуть в мешки то немного, что удалось взять с собой. Пришлось, как когда-то Элизе Линч, бросить в джунглях любимый рояль «Плейель» и старинную дедушкину мебель, но Элизабет Ницше уже было не до рояля. Не выдержав полного заточения, она чуть-чуть приоткрыла створку ставни в спальне и увидела под окном любимое когда-то плачущее дерево — его единственный голый ствол орошался непрерывным потоком слез.

Она вспомнила, как однажды в прошлой счастливой жизни отправила слугу-индейца за этим деревом в джунгли. А когда тот приволок его, велела посадить под своим окном. Легенду о плачущем дереве поведал ей по дороге в колонию переводчик Энрико, и этот рассказ запал ей в душу — молодая девушка так горько плакала из-за несчастной любви, что бог Таньху превратил ее в плачущее дерево. Элизабет на миг показалось, что она тоже может превратиться в плачущее дерево — это было бы счастливым избавлением от наступающих на нее проблем. Но дерево осталось деревом, а она — несчастной Элизабет, которую в любой момент могут обнаружить озверевшие от бедствий колонисты. Страшно подумать, что они с ней сделают!

К счастью, все обошлось и ей удалось выскользнуть из Фюстеррода незамеченной, совсем как в романтической сказке, — верхом на лихом вороном жеребце в сопровождении верного индейца-проводника. Правда, лихой вороной жеребец был всего лишь пожилой гнедой кобылой, а лихая наездница с трудом держалась в седле, но проводник был настоящим индейцем, верность которого обошлась наезднице в круглую сумму.

Трехдневное путешествие верхом на гнедой кобыле не давалось Элизабет легко — она растерла до крови всю кожу своей седалищной части, так что, со стоном погрузившись в

каюту ветхого парагвайского пароходика, она могла лежать только на животе. Что стало со спиной несчастной гнедой кобылы, она даже не могла себе представить. Кровавые язвы на Элизабет не заживали во время всего морского путешествия в Европу, но страдания от них не могли сравниться с ее страданиями от душевных ран. Перед мысленным взором все яснее вырисовывались очертания предстоящей жизни — она не находила там ни единой радостной точки.

Но, вернувшись в материнский дом, она поняла, что реальность даже хуже мрачной картины, нарисованной ее воображением. Главная беда была сокрушительной и очень простой — у них не было денег. Расходы на содержание безумного брата постепенно поглотили скромные сбережения матери, собственные доходы Элизабет иссякли с крушением колонии Германия Нова. Оставалась надежда на продажу замечательного дома в Фюрстерроде, но когда это будет?

Долгие ночи напролет она лежала без сна, пытаясь решить одну-единственную проблему — где достать деньги? Ни продать, ни заложить нечего. Их скромный домик в Намбурге был заложен-перезаложен, а на роскошный дом в Фюрстерроде пока не нашлось покупателя. Оставалось одно — сочинения Фрицци.

Элизабет

— Мама, — позвала Элизабет, открывая заложенную ленточкой страницу амбарной книги, — можно тебя на минуточку?

— Не сейчас, — отмахнулась от дочери Франциска. — Мне срочно нужно сменить у Фрицци пеленку.

— Пеленка может подождать, а у меня дело неотложное. Франциска и не подумала остановиться:

— Придется отложить твоё неотложное. Ты ведь не хочешь, чтобы он загадил весь матрац?

Спорить с матерью было бесполезно и даже опасно — с тех пор как пришлось уволить помощника санитаря Питера, на нее легла львиная доля забот об уходе за Фридрихом. А ведь

ей уже было за семьдесят, и Элизабет часто замечала, как тяжело она дышит после очередного купания брата. Конечно, Элизабет бы следовало чаще принимать участие в мучительных ритуалах переворотов с боку на бок его неподвижного грузного тела, но на ней лежали другие, не менее важные заботы — деньги, деньги, деньги! У нее голова пухла от мыслей о деньгах, но ничего путного она пока не придумала.

Зазвенел колокольчик, Элизабет выглянула в окно и увидела спину проходящего по улице почтальона. Придется сбегать посмотреть, что он положил в почтовый ящик — раз позвонил, значит, что-то положил. Она сбросила тапочки, сунула ноги в стоящие у дверей стоптанные туфли и побежала к воротам. Моросил мелкий осенний дождик, так что Элизабет не стала разглядывать вынутые из ящика письма, а, спрятав их в рукав, поспешила обратно в дом.

Мать уже спустилась вниз и сидела на стуле у входа в кухню.

— Ну, я слушаю — что у тебя за неотложное дело?

Хотя конверты в рукаве противно щекотали руку Элизабет, она не стала вытаскивать их при матери — кто знает, кто и что ей написал. Последнее время довольно часто приходили сердитые письма от бывших колонистов с проклятиями и даже с угрозами, и матери не к чему было их читать. Отбросив мысль о письмах, она придвинула к себе книгу расходов:

— Мама, я хотела спросить о нескольких покупках. Что это за 20 метров ситца?

Мать даже не взглянула на запись.

— Это на подгузники для Фрицци. Дешевле нарезать самим, чем покупать готовые.

Элизабет прикусила губу — и спрашивать дальше не о чем. Ясно, что расходы сократить не удастся — мать и так была экономна до крайности. Но Франциска смолчать не хотела, не тот характер:

— И из-за этого несчастного ситца ты меня хотела задерживать, когда я шла менять Фрицци пеленку?

— Дело не в ситце, — прошептала Элизабет сквозь слезы, — я надеялась, что можно сэкономить на расходах.